

Оглавление

Проходной балл

МЕЧТАТЕЛЕН И ГЛУП	9
БРАТСТВО НЕПОСТУПИВШИХ	14
НЯНЕЧКА	18
ВСЁ ПО-ЧЕСТНОМУ	26
АПЕЛЛЯЦИЯ	31
ПАШИНО СОЧИНЕНИЕ	38
ПРОИЗВОЛ	42
ТУБУС, СВЯТЦЫ И АНТИСЕМИТ	47
ПРОЛЕТНЫЕ ГУСИ	53
КУБИК РУБИКА	63
СУДЬЯ ВСЕГДА ПРАВ	73
ШПАНА ЭЛЕКТРОУГОЛЬСКАЯ	79
ДРАКА	84
И ТОГДА ТЫ МЕНЯ ПОЛЮБИШЬ?	90
ПОЛИТЭКОНОМИЯ СОЦИАЛИЗМА	102
СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА	108

Поединок

ХРАНИ СЕБЯ, СССР!	113
АВГУРЫ	118
САТИСФАКЦИЯ	124

ПОДМЕНА ФЛАГА	132
ЧАСТУШКИ	139
ГЛОКАЯ КУЗДРА	144
НЕ ЕШЬ ПИРОЖОК... ..	151
АВТОР “СЛОВА”	156
ЛИТОРАЛЬ	164
АЖ ПИВНЫ ЗАПИЛЫ	176
БАБАЛ	186
ОБИЖАТЬ НЕЛЬЗЯ	192
НЕДОРАЗУМЕНИЕ	197
СМЕРЧ	204
ВОЗДВИЖЕНЬЕ	211
ОТЕЛЬ “КАЛИФОРНИЯ”	216
ШАНС	227

Инициация

СУМАСШЕДШИЙ АЛМАЗ	237
МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ВОЛК	242
ЦВЕТОЧНАЯ ГРУППА	250
МАНДРАГОРА	256
ПРОХОР ГОДЯЕВ	266
ЛАЗАРЕТ	276
ДЕВЯТНАДЦАТОЕ	284
КОПАЛКИН БЛЮЗ	296
УКОЛЫ	302
ФОЛЬКЛОРНАЯ ПРАКТИКА	307
ВОССТАНИЕ МАСС	315

СВЕЧЕЧКА И СЕРПИК ЛУНЫ.....	325
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ.....	335
ПРИВОРОТ.....	342
КАК ПОЙМАТЬ РЫБУ.....	348
ПОВТОРНАЯ АПЕЛЛЯЦИЯ.....	354
ВОЛЧЬЕ ВЫМЯ.....	359
ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	364

Прощай, мой прекрасный

ЖАЛЬ, ЧТО ТЕБЯ ЗДЕСЬ НЕТ.....	369
ФАНТ, ХАЛЛЕ, ЯКОБСОН.....	377
БАБОЧКА И ВЕРБЛЮД.....	382
КРЕСТНЫЙ ОТЕЦ.....	386
СПЕЦПРОПАГАНДА.....	398
ТРОЛЛЕЙБУСЫ И ТРАМВАИ.....	405

Проходной балл

МЕЧТАТЕЛЕН И ГЛУП

Павлик Непомилуев, малообразованный рослый юноша с обильными прыщами на пухлом беззаботном лице, томился в очереди за документами, которые месяцем ранее сдавал в приемную комиссию филфака МГУ. Очередь была разнолика, невесела, тревожна, и косолапый, одетый в новенький коричневый костюм с золотыми пуговицами Павлик казался случайно затесавшимся в нее человеком. Он не выглядел ни подавленным, ни делано равнодушным; поначалу терпеливо стоял и глазел по сторонам, ковырял в носу, сморкался, что-то бормотал, напевал, но не потому что нервничал или таился, а потому что долго стоять на одном месте Непомилуеву было скучно и к очередям он не привык. Со стороны это всё выглядело чудновато. Так ведут себя плохо воспитанные дети, записанные на прием к врачу или при поступлении в школу, но никак не в лучший университет страны, однако Павлик смотреть на себя извне не умел, зато

с любопытством рассматривал несчастных абитуриентов и их родителей. Очередь двигалась неспешно, точно каждый в ней еще надеялся, что произошло недоразумение и за дверями случится чудо, там одумаются, извинятся и исправят ошибку. Но чуда не происходило. Мальчики и девочки выходили ни на кого не глядя, понурые, постаревшие. Это было их первое жизненное поражение, удар по самолюбию, крушение надежд, утрата веры в себя, страшное чувство одиночества, вины и несправедливости, которое закалит или сломает, но рубец от него останется навсегда. Павлик с нежностью смотрел на своих братьев и сестер и думал о том, что если бы мог, то обнял и утешил бы каждого, с кем провел как в бреду четыре вступительных экзамена; но Пашины товарищи по несчастью торопились скорее уйти, и Непомилуеву было грустно осознавать, что больше он их не увидит. Он и поступить в университет хотел не только для того, чтобы в нем учиться, а чтобы оказаться среди хороших людей и с ними подружиться, он о студенческой жизни мечтал, и за себя ему обидно не было. Что ж, не поступил и не поступил, а вот ребят было жаль. Кому-то не хватило двух баллов, кому-то — одного, а кто-то и вовсе недотянул совсем чуть-чуть.

“Если бы это зависело от меня, — подумал Павлик, — я бы организовал две команды — поступивших и не поступивших. И пусть бы они соревновались, и неизвестно, кто еще победил бы”.

Когда Павлушина очередь приблизилась, он отошел в самый конец, чтобы подольше побыть на

девятом этаже: ему нравилось находиться среди этих замечательных молодых людей, а самому ему идти было некуда, и ехать домой он не торопился, потому что никто его дома не ждал.

Павликов дом находился далеко от Москвы, в городе, который не значился в справочниках и расписаниях, хотя железная дорога к нему вела — каждый день приходил секретный пассажирский поезд и несть числа грузовых составов. Там был построен экспериментальный аэродром, и несколько раз в неделю садились необъявленные гражданские самолеты из московского аэропорта Быково и военные борта из неведомых мест. Сам город и примыкавшую к нему большую, заросшую смешанным лесом территорию окружали по всему периметру контрольно-следовая полоса и высокий бетонный забор с тремя рядами колючей проволоки, а название его менялось так часто, что жители не успевали за этими переименованиями следить и звали между собой Пятисотым по имени большого подземного завода, где почти все и работали. Они вообще были особенные люди. Долгие годы их никуда за стену не выпускали, если только не случалось какого-нибудь несчастья — например, умирала у человека мать. А вот если умирал отец, то хоронить отца не отпускали. Потом разрешать выезжать нехотя стали, но под угрозой самого ужасного наказания жители Пятисотого не имели права никому, даже самым близким родственникам, рассказывать о том, где живут и работают. А самым страшным наказанием стало бы для них изгнание,

потому что жилось в таинственном городе так хорошо, как, наверное, нигде в прекрасной Пашиной стороне. В этом городе было не страшно ходить по улицам и днем и ночью, родители повсюду отпускали детей и никто не закрывал двери на ключ, а жили каждый в своей квартире и что такое общая кухня — не знали; магазины в Пятисотом изобиловали продуктами и товарами, которых за стеной не видали; здесь были просторные чистые улицы и бульвары, прекрасные школы, библиотеки, бассейны, спортивные залы, во Дворце науки выступали умнейшие люди и проходили великолепные любительские концерты. Это было едва ли не самое сытое и благоустроенное место во всем СССР, но Павлик этой сытости и устроенности ценить не умел и любил большую, неведомую ему страну сильнее, чем свою секретную родину, потому что в его годы всё дальше кажется милее и привлекательнее ближнего.

Он был с малых лет мечтателен и глуп и на стене у себя повесил физическую карту Советского Союза, которую мысленно исходил и изъездил, похозяйски размышляя о богатствах ее недр, любясь и гордясь красотой и протяженностью ее напряженных границ, переливами зеленого равнинного и горного красного цвета от запада к востоку и от севера к югу, голубизной ее великих озер и внутренних морей, извивами вольных рек, изрезанными линиями океанского побережья, причудливыми цепочками островов, полярными льдами, пустынями, солончаками, архипелагами и полу-

островами; ему нравилось вглядываться в маленькие цифры, обозначающие высоту ее снежных пиков и вулканов, глубину морских и озерных впадин, он любил все ее города, поселки, сёла и деревни и однажды попросил отца:

— А покажи мне наш город на карте.

— Его там нет, — ответил лейтенант.

— Как это так? — удивился Павлик.

— Никто не должен о нашем городе знать.

— А почему?

— Потому что наш город — это самое важное, что есть в нашей стране.

— Важнее, чем Ленинград?

— Важнее.

— Главнее, чем Москва?

— Главнее, сын, — сказал отец очень серьезно, и мальчик догадался, что больше ни о чем спрашивать нельзя. Ни отца, ни тем более кого-нибудь другого. И если он слышал в дальнейшем непонятные вещи, то, как ни томило ребенка природное любопытство, он молчал, отчего его внутреннее недоумение, смешанное с гордостью, скапливалось в душе как особенный материал.

“И всё-таки странно, — думал Павлик. — Как может быть на свете то, чего нет на карте? А может быть, нашего города просто не существует?” Просыпаясь, он первым делом подбегал к окну проверить: всё ли в городе на месте? Но ничто не исчезало: ни заповедный лес, где зимой катались на лыжах, а летом просто гуляли, но ягоды и грибы не собирали; ни красивое искусственное озеро, на ко-

торое можно было бесконечно смотреть, но ни купаться, ни ловить рыбу в нем не разрешали; ни разноцветные двухэтажные и одноэтажные домики, в которых жили инженеры и ученые; ни стадион, а еще дальше, если поднять глаза, — тайга и темные горы на горизонте. Всё было на месте, и только на карте не значилось ничего, но иногда над городом зависали светящиеся шары оранжевого цвета, и в такие ночи отец не возвращался домой.

Когда Павлик подрос, он стал украдкой ходить к стене, ища в ней бреши, но стена была построена надежно, как и всё, что в Пятисотом делалось. Глядя на нее, Павлуша испытывал странное чувство тревоги, стесненности и острого, непонятного томления: что там, сразу за бетонной оградой?

— Да ничего там интересного нету, — привычно отвечала мать, покуда не умерла: в Пятисотом порой случалось, что скоропостижно умирали совсем не старые женщины, и после внимательного исследования их хоронили в закрытых гробах. — Так же люди живут, только дольше и скучнее, чем мы.

БРАТСТВО НЕПОСТУПИВШИХ

После двенадцати лет Павлушу стали вывозить вместе с другими детьми к далекому южному морю. Оно немного нравилось ему своим запахом, меняющимся цветом и той волнующей, иногда четкой, а иногда размытой линией на горизонте, где из воды возникало небо, но еще

больше Павлик любил долгую дорогу через половину страны, и, хотя большинство детей ею тяготилось и изнывало от замкнутости пространства и однообразия железнодорожных впечатлений, Непомилуев принимался томиться тогда, когда путешествие заканчивалось, и все дни на берегу скоро наскучившего водного пространства ожидал дороги назад. В поезде он выучивал наизусть расписание, и названия больших и малых городов, через которые они проезжали, кружили ему голову, он не отходил от окна, просыпался ночами на больших станциях и мечтал сойти и затеряться где-нибудь на дорогах великой страны.

“Почему мы ездим только к южному морю? — думал Павлик. — А есть еще северные моря, и западные, и восточные”. Они манили его все, и больше всего Непомилуев боялся, что однажды стена затворится. Будучи мальчиком скрытным, он никому об этом страхе не рассказывал, кроме одного худо одетого светловолосого паренька с оттопыренными ушами, своего соседа по общежитию, который поступал на факультет словесности. Парень был дальним Пашиным земляком и о Пятисотом кое-что слышал.

— Это у тебя, наверное, клаустрофобия, — рассудил он. — А у нас, наоборот, все мечтают за вашу стену попасть. Хотя бы одним глазком поглядеть.

— Зачем? — насторожился Павлик, которого, как и всех жителей, с детства учили быть начеку, потому что в город стремятся проникнуть шпионы и диверсанты.

— У вас же там коммунизм, — ответил паренек простодушно. На лазутчика он никак не походил, хотя, может быть, именно такие непохожие, лопухие и были настоящими диверсантами.

— А у вас? — спросил Павлик.

— А у нас очереди за молоком. Говорят, мы потому и голодаем, что вы хорошо живете.

— А у нас — наоборот, — частично разоружился перед земляком Непомилуев. — Что мы всех защищаем, и когда начнется война, то самыми первыми погибнем, но ответить успеем, а вы за нас дальше жить будете.

— И то, наверное, правда, и это, — заключил паренек философски.

Поступил он или не поступил, Павлик не ведал, но теперь захотел его разыскать, однако в очереди сказали, что никакого факультета словесности в университете нет, а есть обычный филологический факультет — тот самый, на который Павлик недобрал нужное количество баллов, и вообще, без репетиторов и без блата поступить на филфак невозможно, нечего и соваться, да и репетитора надо еще уметь найти такого, чтобы он же у тебя экзамены принимал, а за таких репетиторов нужно сумасшедшие деньги выкладывать, но при этом гарантии тебе всё равно никто не даст. А факультет словесности вроде бы когда-то был, но давно закрыт или переведен в другое место.

Павлик вспомнил, что земляк говорил про двенадцатый этаж, но в некрасивом стеклянном здании, выходившем торцом на шумный проспект,

оказалось лишь одиннадцать этажей. Непомилуев подумал о том, что двенадцатый этаж, наверное, такой же секретный, как его родной город, и, возможно, находится, чтобы никто не догадался, внизу, однако в подвале не было ничего, кроме толстых труб, технических комнат, складских помещений и большого продолговатого зала с пыльными матами, в котором Павлик не без труда опознал тир и удивился, зачем он здесь, для какой нужды — или, может быть, это и есть факультет словесности? Над последним же этажом располагалась плоская крыша, куда мальчик поднялся по чердачной лестнице через незакрытую дверь. Отсюда хорошо была видна хаотичная Москва, далекие башни Кремля и высокие, неизвестные ему дома, а еще ближе угадывалась за лиственными деревьями извилистая, несмотря на свою ширину, река и стадион, где только что отгрохотала великолепная Олимпиада, из-за которой были сдвинуты на сентябрь вступительные экзамены и начало учебного года.

Павлик с любопытством посмотрел на не пожелавший принять его город, на главное здание университета и разбросанные вокруг корпуса, точно стремясь навсегда всё это запомнить, прежде чем навсегда уйти. Решение, что делать, так долго томившее его, наконец пришло: отправиться пешком куда глаза глядят по долгим проселочным дорогам СССР, стараясь придерживаться южной стороны, и там где-нибудь перезимовать, как зимуют перелетные птицы, а по весне потянуться обратно на север, и, как знать, возможно, где-то на этих

пыльных дорогах ему подвернется родственная душа и он примется скитаться с другом или с подружкой, потому что нехорошо человеку быть одному. А потом к ним присоединится кто-то еще, и так они создадут свое бродячее братство непоступивших, свой маленький пеший университет, куда будут принимать всех, и никакие стены не станут их окружать, потому что настоящему университету заборы не нужны. И тогда они все вместе придумают что-нибудь очень хорошее для большой страны, чтобы она стала такой же прекрасной для жизни, как Павлушин коммунистический город, и никто бы в ней не жаловался на очереди за молоком.

С ближних гор задул злой ветер, разгоняя Павликовы дурацкие мысли, и мальчику пришлось ухватиться руками за стенку вентиляционной шахты, чтоб не упасть. Спускаясь, он плотно закрыл дверь: вдруг кто-нибудь из легких нервозных абитуриентов в расстроенной очереди тоже вздумает подняться на ветреную крышу, и от печали у девушки закружится голова.

НЯНЕЧКА

Когда Павлик вернулся к аудитории, там никого не было, а на приколотом к двери листке бумаги было написано размашистым почерком: “ОБЪДЪ”.

На мгновение он забылся и перестал себя ощущать. Его мучил голод, а странным образом написанное

слово это острое чувство подстегивало, однако Павлик не уходил, то ли дразня себя несбывшейся судьбой, то ли мечтая забрать скорее несчастный школьный аттестат с убогим средним баллом и медицинскую справку по форме 086 и пуститься в путь, но помимо этого возникло что-то третье, ему самому непонятное, появившееся в его жизни не так давно, и чудилось Павлуше, будто кто-то настойчиво говорил ему: стой и жди, стой и жди...

— Чего стоишь, проходи. — Седая женщина в темном халате, в очках с крупными линзами, похожая на нянечку или старенькую медсестру, недобольно толкнула перед ним дверь. — Здесь пока посиди.

В ней было что-то кроличье. Наверное, у нее было много детей и внуков. Павлик поначалу напрягся, но почувствовал, что женщина опасности не представляет. “Техничка какая-нибудь”, — подумал он рассеянно. На Павлика женщина не смотрела, как если бы его здесь не было. Она поливала цветы, что-то приговаривала, и он почувствовал к ней симпатию.

“Сейчас пыль с меня вытрет или польет”, — подумал он и хмыкнул.

— Что ж ты, батюшко, к экзаменам-то не подготовился? — не отрываясь от цветов, спросила женщина певучим, неожиданно молодым голосом. — На тебя так рассчитывали, надеялись.

— Кто рассчитывал?

— Профессоры всякие рассчитывали, доценты, преподаватели. Всем хотелось такого молодца

учить. Экзамены перенесли, чтобы побольше времени тебе дать. А ты взял и всех подвел. А зачем подвел?

— Я готовился, — возразил Павлик горячо и заморгал короткими редкими ресницами. — Я целых пять месяцев готовился.

— Пять месяцев. Сюда годами готовятся, — произнесла нянечка нравоучительно. — И которые хорошо готовятся, те и экзамены хорошо сдают. А что тебе говорят, тому дак не верь. Ты откуда сам-то?

— Из Обдорска.

Им велели рассказывать про Обдорск, когда они куда-нибудь выезжали, и даже названия обдорских улиц и вымышленные адреса заставляли выучивать, и Павлик иногда думал, что будет, если он повстречает настоящего обдорчанина, который легко поймает его на лжи?

— Знаю я этот ваш Обдорск, — буркнула старушка, — оттуда все больше на хвизику да на химью поступают. А не сюда идти. А ты пошто пошел?

— Да я не собирался вовсе. То есть не совсем так, я собирался, мечтал, но отец был против. — Павлик и сам не понял, зачем и почему это говорит, но нянечка была такая милая, простодушная, что Непомилуеву захотелось рассказать ей, как его отец, служивший в спецчасти, охранявшей Пятисотый и его подземные сокровища (впрочем, об этом он в любом случае умолчал бы), мечтал, чтобы сын стал офицером, на худой конец шел в научники или инженеры, а словесность, литература — всё это было несерьезное, баловство, к которому капи-